

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Для педагоговъ и родителей

СОСТАВИЛЪ

(по Шмидту, Раумеру и др.)

Л. МОДЗАЛЕВСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ СУЩИНСКАГО. МОГИЛЕВСКАЯ, 7.

1867.

(RECAP)

L A 11

M 57

vyp. 2

4-11-1880

Ворьба реалистическо-философскихъ системъ за свободу воспитанія.

Книги, фразы, слова — вотъ что составляло предметъ школьнаго изученія въ продолженіе всего абстрактно-теологическаго періода въ исторіи воспитанія. Точное, реальное знаніе еще не существовало, и даже то, что повидимому могло носить его имя, на дѣлѣ было знаніемъ не самого предмета, а только фразъ о немъ, почерпнутыхъ изъ разныхъ сочиненій «древнихъ» о силахъ природы, о звѣздахъ, камняхъ, растеніяхъ, животныхъ; это была астрономія — безъ наблюденій и телескопа, анатомія — безъ труповъ и препаровочной, физика — безъ эксперимента, химія — безъ реторты и т. д. Но духъ человѣка не остановился на фразахъ, и вскорѣ послѣ возрожденія классическаго знанія, въ лицѣ нѣсколькихъ передовыхъ дѣятелей науки, перешелъ отъ гуманизма съ его обожаніемъ красоты въ природѣ непосредственно къ самой вещественной природѣ, живой и дѣйствительной, отъ мертваго и механическаго обратился къ *органическому*, внеся тотъ же элементъ и въ школу. Отъ воспитанія отрезвившійся духъ человѣка потребовалъ соблюденія тѣхъ же органическихъ законовъ, которые онъ открылъ во всей природѣ, и которые дѣйствительно одинаково присущи и развитію тѣла, и развитію духа питомца. Правда, первые провозвѣстники этого міроваго принципа не вдругъ добились его успѣха; ихъ голосъ долго былъ «гласомъ вопіющаго въ пустынь»;

но важно было уже то, что принципъ этотъ былъ сознанъ и высказанъ; истина, разъ открытая разумомъ, уже не могла остаться бесплодною. Замѣчательно также, что и на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ увлеченій, какъ это бываетъ всегда, когда новый принципъ выступаетъ противъ прежняго, устарѣвшаго: реалистическое направленіе отчасти перешло въ матеріализмъ, который, впрочемъ, не успѣлъ коснуться воспитанія, и, пополнивъ его одной существенно-важною стороною, не въ силахъ былъ увлечь его въ совершенную односторонность. Во избѣжаніе всякаго насилуванія дѣтской личности, воспитаніе должно всегда покоиться на самыхъ широкихъ, общечеловѣческихъ, христіанско-гуманныхъ началахъ: это всегда понимали тѣ истинные педагоги, которые брали его подъ свою защиту отъ деспотизма той или другой партіи, будь она учена, клерикальная, политическая или иная какая.

Монтанъ.

Франція произвела перваго по времени представителя новаго ученія о воспитаніи — *Монтаня*, который въ своихъ «Essais» явился ревностнымъ защитникомъ его естественности. Michel de Montaigne (родился въ 1533 году; умеръ въ Бордо на 59 году жизни) получилъ полное тогдашнее образованіе. Латинскій языкъ онъ изучилъ прежде своего роднаго, и семи лѣтъ уже читалъ въ оригиналѣ метаморфозы Овидія. Благодаря заботамъ своего отца, онъ близко знакомъ былъ съ произведеніями классическихъ писателей Рима и Греціи, и, какъ французъ, также наслѣдовалъ блестящее остроуміе. Изъ Горація Монтанъ усвоилъ наклонность къ беззаботному эпикуризму, и взглядъ его на дѣйствительную жизнь получилъ оттѣнокъ то безнадежности, то равнодушія; смертоубійство въ его глазахъ было вещью совершенно естественною. Современники, особенно Паскаль, отзываются о немъ прямо, какъ о чловѣкѣ безнравственномъ, какъ о грязномъ циникѣ. Католицизмъ явно не удовлетворилъ геній

Монтаня, а другихъ нравственныхъ основъ онъ не нашелъ; не удовлетворила его и клерикальная наука, а потому онъ отрицалъ самую пользу науки вообще. Во всемъ направленіи его ума естественно должно было преобладать отрицаніе, первая причина котораго лежала въ его воспитаніи, или вѣрнѣе — въ современномъ ему обществѣ, жившемъ подъ авторитетомъ римско-католической церкви. Люди, подобные Монтаню, изъ недовольства существующимъ порядкомъ переходившіе къ беспощадному отрицанію, къ ожесточенію или къ эпикурейскому «*sarpe diem*», всегда являются страдальцами, изъ страданій которыхъ однако общество должно почерпнуть для себя полезный урокъ, и тотчасъ обращаться къ тщательному изслѣдованію и удаленію причинъ такого же страданія для будущихъ, подростющихъ поколѣній...

Размышляя надъ ходомъ собственнаго и всего современнаго ему воспитанія, Монтанъ восклицаетъ: «Къ чему послужить намъ, если мы станемъ жадно наполнять нашъ желудокъ мясомъ, но не будемъ въ состояніи переварить его и переработать настолько, чтобы оно дѣйствительно питало и укрѣпляло насъ? Мы слишкомъ любимъ опираться на чужую руку, такъ что наша собственная сила при этомъ вовсе пропадаетъ. Какъ скоро я желаю вооружиться противъ страха смѣрти, я тотчасъ обращаюсь къ Сенекѣ; думаю ли пріискать утѣшеніе себѣ или другому, я непременно прибѣгаю за нимъ къ Цицерону. Но вѣдь я нашелъ бы все это въ самомъ себѣ, если бы только меня пріучали къ тому. Для меня становится невыносимымъ влачить далѣе это жалкое, нищенское существованіе; ибо если мы и можемъ сдѣлаться благоразумными черезъ благоразуміе другихъ, то мудрыми мы сдѣлаемся только чрезъ нашу собственную мудрость». «Главное, чему слѣдуетъ учить питомца, это — чтобы онъ умѣлъ самъ познавать себя, умѣлъ хорошо жить и хорошо умереть. Изъ «свободныхъ искусствъ» пусть начинаютъ именно съ того, которое дѣлаетъ насъ свободными. Когда же питомецъ научился всему необходимому, всему, что сдѣлаетъ его добрымъ и умнымъ, — тогда уже можно при-

ниматься съ нимъ и за логику, и за физику, геометрію или риторику; изберетъ ли онъ потомъ себѣ какую-либо науку, онъ непремѣнно и скоро станетъ въ ней масте-ромъ, такъ какъ онъ уже развилъ въ себѣ силу мышле-нія. Пусть онъ учится отчасти изъ бесѣды съ учителемъ, отчасти изъ книгъ. Пусть учитель почаще даетъ ему самому въ руки хорошаго писателя, или покрайней мѣрѣ лучший сокъ изъ него. Но пусть питомецъ не будетъ при этомъ стѣсняемъ, головою выданный гнѣву и нелѣпой прихоти своего яростнаго наставника. Я не хочу губить молодой умъ, заставляя его по принятому порядку, впро-долженіе 14—15 часовъ, карпѣть надъ работой подобно какому нибудь носильщику груза. Однако я также не одобрилъ бы, видя какъ иной робкій юноша меланхоли-ческаго темперамента всѣми силами отдается чтенію книгъ, думая почерпнуть изъ нихъ совершенство: это дѣлаетъ молодыхъ людей неловкими въ обращеніи и удаляетъ отъ лучшихъ, еще полезнѣйшихъ занятій. Какъ много видѣлъ я въ жизни людей, которыхъ жажда науки сдѣлала дураками!» «Мой ученикъ долженъ не на фразмахъ, а на дѣлѣ изу-чать свои уроки, на дѣлѣ же и повторять ихъ. Тогда будетъ видно: есть ли благоразуміе въ его предпріятіяхъ, обнаруживаются ли въ его поведеніи доброта и справед-ливость, отличается ли рѣчь его разумомъ и скромностью, есть ли у него терпѣніе въ болѣзняхъ, приличіе въ играхъ, умѣренность въ удовольствіяхъ, порядокъ въ экономиче-скихъ дѣлахъ; поддается ли онъ сластолюбію, когда ему приходится выбирать между мясомъ и рыбой, виномъ и водой. Разумъ нашъ вѣрнѣе всего отражается въ нашей практической жизни; а потому не слѣдуетъ приучать пи-томца къ однимъ словамъ. Когда у него есть хорошій запасъ реальныхъ, живыхъ понятій, — слова придутъ сами собою, а если и не придутъ, то онъ все таки отыщетъ ихъ». «Я люблю простую, естественную рѣчь, которая коротка и сжата, которая не столько нѣжна и изящна, сколько сильна и убѣдительна. Такимъ-то именно языкомъ и долженъ учиться говорить питомецъ, и говорить не такъ, какъ говоритъ его книга: мозгъ и плоть не добудешь,

какъ можно добыть платье». «Я желалъ бы прежде всего хорошенъко научиться своему родному языку, а потомъ языку моего сосѣда, съ которымъ у меня обыкновенно бываетъ болѣе всего сношеній. Конечно, въ греческомъ и латинскомъ есть много изящнаго и возвышеннаго; но только покупается все это слишкомъ дорогой цѣной. Языкамъ надо учиться безъ грамматикъ и правилъ, безъ розогъ и слезъ, а—въ обращеніи съ людьми, съ которыми пришлось бы говорить напр. иначе какъ по латыни, по нѣмецки и т. д. Уроки, которые приходится какъ бы случайно, не будучи прикованы ни ко времени, ни къ мѣсту, проходятъ незамѣтно для насъ самихъ. Даже всѣ наши игры и тѣлесныя упражненія, какъ то: бѣганье, борьба, тѣнцы, музыка, верховая ѣзда, фехтованье и охота—все это составляетъ значительную часть нашего обученія. Я желаю, чтобы нашъ внѣшній видъ развивался и совершенствовался вмѣстѣ съ нашею душею. Но прежде всего веди питомца такъ, чтобы онъ кѣалъ оружіе предъ истиной, и, увидѣвъ ее, тотчасъ отдавался ей, хотя бы онъ увидѣлъ ее на сторонѣ своего противника, или во время размышленія открылъ ее въ собственномъ духѣ».

Такимъ образомъ Монтанъ является противникомъ всего схоластическаго, врагомъ всякаго формализма, фразерства и педантизма, которые господствовали въ школахъ его времени. Онъ требуетъ отъ образованія жизненности, дѣятельности, самостоятельности сужденія, реальное знаніе ставитъ выше мертваго вокабулизма, и придаетъ большое значеніе гимнастикѣ, поддерживающей бодрое, веселое настроеніе духа. Монтанъ старается показать, что воспитаніе важнѣе обученія, такъ какъ первое даетъ силу и характеръ человѣку, сообщаетъ ему должное направленіе; второе же, обогащая умъ свѣдѣніями, не опредѣляетъ воли, а потому еще не ведетъ къ нравственной жизни. Слѣдовательно, хорошъ только тотъ учитель, который дѣйствуетъ воспитательно на молодую личность, который является не исключительно учителемъ, заботящимся о выучкѣ, а—педагогомъ, имѣющимъ въ виду гармоническое развитіе всѣхъ силъ и способно-

стей души питомца. Однако Монтань, возставая противъ современныхъ ему злоупотребленій школы, противъ пассивности воспитанія, заходитъ также слишкомъ далеко въ своемъ отрицаніи, подобно другому геніальному французу — Ж. Ж. Руссо. Такъ Монтань возстаетъ противъ семейнаго воспитанія и желаетъ поручать его постороннимъ лицамъ, по преимуществу гувернёрамъ, что было въ обычаяхъ тогдашняго высшаго французскаго общества: «По общепринятому мнѣнію — говорить онъ — почитается вреднымъ воспитывать дѣтей на родительскомъ лонѣ. И дѣйствительно: естественная любовь дѣлаетъ даже благоразумныхъ родителей черезъ-чуръ нѣжными и снисходительными; они не рѣшаются ни наказывать дѣтей, ни держать ихъ на простой пищѣ, какъ это должно. Они даже не переносятъ, если дитя ихъ возвращается съ своихъ упражненій въ поту и въ пыли, когда оно пьетъ то холодное, то горячее, когда оно садится на дикую лошадь, между тѣмъ какъ нѣтъ другаго средства воспитать совершеннаго человѣка, какъ еще въ юности не допуская его до изнѣженности и часто оставляя въ сторонѣ разныя медицинскія предписанія: *Vitamque sub divo et trepidis agat in rebus* (Горацій)» — Ошибка здѣсь заключается именно въ томъ, что Монтань вмѣсто того, чтобы требовать исправленія семейныхъ нравовъ, считаетъ за лучшее совершенно лишить дитя родительской любви и ласки. Стремясь къ реализму въ воспитаніи, въ противоположность прежней искусственности и безплодному знанію, онъ, также подобно Руссо совѣтуетъ знакомить юношество не только съ прошедшимъ, но и съ настоящимъ: «Пусть мой гувернеръ, воспитывая мальчика, не забываетъ истинной цѣли своего призванія, и изъ году въ годъ толкуя о разрушеніи Карфагена, о характерѣ Ганнибала и Сципіона и т. п., пусть онъ учитъ не столько самому прошедшему, сколько умѣнію правильно судить о немъ. Питомецъ долженъ познакомиться со всѣмъ окружающимъ его: съ пастухомъ, каменщикомъ, путешественникомъ наблюдая ихъ за ихъ работою и изучая каждый товаръ, ибо въ хозяй-

ствѣ все необходимо; даже глупости и слабости другихъ должны служить ему уроками».

Защищая образовательное значеніе философіи, Монтанъ рекомендуетъ школамъ въ особенности Эпикура, опредѣлявшаго цѣль жизни наслажденіемъ: «Странно, что въ нашъ вѣкъ дошло до того, что даже люди умные считаютъ философію однимъ пустымъ словозвѣтіемъ, бесполезнымъ какъ для мысли, такъ и для дѣятельности человѣка. Къ величайшей несправедливости ее считаютъ недоступною для дѣтей, рисуя ее чѣмъ-то мрачнымъ, скучнымъ, мелочнымъ и ужаснымъ. Но кто же надѣлъ на нее эту блѣдную, отвратительную личину (если не мы сами)? Нѣтъ ничего веселѣе, яснѣе, радостнѣе, можно сказать даже безумнѣе философіи. Она не проповѣдуетъ ничего, кромѣ радости и наслажденія. Унылая, мрачная миѣна на лицѣ человѣка именно доказываетъ, что онъ не знакомъ съ нею. Когда Димитрій Грамматикъ увидѣлъ въ Дельфійскомъ храмѣ сидящую группу философовъ, то обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: Или я ошибаюсь, или ваши веселыя, мирныя лица говорятъ мнѣ прямо, что вы вовсе не заняты серьезной бесѣдой. На это Мегарянинъ Хираклеонъ отвѣчалъ ему: Пусть, толкуя о своей наукѣ, хмурятъ свой лобъ лишь тѣ, которые изслѣдуютъ, двойное-ли *λ* имѣетъ *futurum* отъ *βαλλω*, или—отъ какихъ корней происходитъ сравнительная степень *χεῖρον* и *βέλτιον* и превосходящая *χεῖριστον* и *βέλτιστον*; что же касается философскихъ изысканій, то они дѣлаютъ человѣка веселымъ и радостнымъ». Подъ философскими занятіями Монтанъ вовсе не разумѣетъ подобныя тѣмъ, какія процвѣтали въ схоластическихъ школахъ: «Что пользы питомцу—говоритъ онъ—если его будутъ душить одними хитросплетеніями софистическихъ силлогизмовъ, въ родѣ слѣдующаго: окорокъ требуетъ питья; питье умѣряетъ жажду; ergo—окорокъ умѣряетъ жажду! Пусть же питомецъ смѣется надъ такой наукой: это будетъ гораздо полезнѣе всякаго серьезнаго изученія!» Къ сожалѣнію Монтанъ, какъ и многіе ему подобные реформаторы, былъ способенъ къ крайностямъ и увлеченіямъ, что кромѣ того

значительно объясняется его пылкимъ, чисто-французскимъ темпераментомъ. Нерѣдко онъ педантизмъ смѣшиваетъ съ самой наукой, и отрицая первый, какъ бы забываетъ о послѣдней, отдавая предпочтеніе развитію чувства и воображенія; онъ былъ болѣе поэтъ, чѣмъ мыслитель и педагогъ, хотя и стремился къ реализму въ воспитаніи, понимая подъ «реализмомъ» дѣйствительное, живое знаніе вещей. «Еще Плутархъ замѣтилъ — продолжаетъ Монтанъ — что слова «грекъ» и «учитель» были у Римлянъ бранными словами. Я самъ съ лѣтами убѣдился, что они имѣли на это достаточное основаніе. Но почему же это душа, обогащенная многоразличными свѣдѣніями, не дѣлается чрезъ нихъ ни жизненнѣе, ни дѣятельнѣе; почему слабый, дюжинный умъ, принимая въ себя мысли лучшихъ людей, какихъ только произвелъ міръ, нимало не образуется ими? Этого я до сихъ поръ не понимаю. «Кто хочетъ вмѣстить въ своей головѣ столь много чужихъ, огромныхъ и сильныхъ мозговъ, сказала мнѣ одна дѣвушка, тотъ по необходимости долженъ стѣснить свой собственный мозгъ, чтобы очистить мѣсто другимъ». Я могу сказать еще иначе: какъ растенія вянуть отъ излишней поливки; какъ лампы гаснутъ отъ излишняго масла; — такъ же бываетъ и съ нашею мыслительною способностью при изученіи слишкомъ обильнаго матерьяла, ибо умъ нашъ при этомъ обиліи различныхъ понятій дѣлается неспособенъ къ самостоятельному развитію: ихъ непомѣрный грузъ производитъ въ немъ какъ бы вывихи или искривленія. Но съ другой стороны это опять невѣрно, такъ какъ наша душа растетъ именно по мѣрѣ того, какъ она наполняется (понятіями); къ тому же изъ примѣровъ древности мы ясно видимъ, что мужи, выросшіе среди общественной дѣятельности, великіе полководцы, великіе государственные люди въ то же время обладали и обширною ученостью». Но не смотря на эти сомнѣнія, Монтанъ, не будучи знакомъ съ реальной психологіей, еще не существовавшей въ его время, и не умѣя найти средствъ для развитія активныхъ и продуктивныхъ силъ духа, все таки приходитъ

къ заключенію, что занятіе науками скорѣе ослабляетъ, чѣмъ укрѣпляетъ душу, дѣлая ее болѣе женственною, чѣмъ воинственною. «Сильнѣйшее изъ всѣхъ существующихъ теперь на свѣтѣ государствъ — говоритъ онъ — есть Турецкое: это потому, что тамъ народъ воспитаніемъ приучается цѣнить оружіе и презирать науки. Пока Римъ не началъ учиться, онъ былъ гораздо храбрѣе. Всѣ воинственнѣйшія націи нашего времени принадлежатъ къ числу грубѣйшихъ и невѣжественнѣйшихъ; Скионы, Парѣяне, Тамерланъ и др. достаточно убѣждаютъ насъ въ томъ же». И такъ здѣсь уже одинъ шагъ до знаменитаго трактата Руссо о вредѣ наукъ. Изъ Монтаня, который, впрочемъ, не имѣлъ особеннаго вліянія на современную ему педагогическую практику, можно черпать и много истинно-поучительнаго, и также не мало ложнаго, особенно въ отрицательномъ отношеніи, такъ какъ писатель этотъ, не смотря на свою геніальность, все же былъ «больнымъ сыномъ больнаго вѣка». По словамъ его біографа, настроеніе его духа постоянно колебалось между игривостью и меланхоліей; да и вообще не должна ли игривость минутнаго эпикуреизма смѣняться меланхолической думой о вѣчности?...

Бэконъ Веруламскій.

Почти одновременно съ Монтанемъ, въ Англіи жилъ и дѣйствовалъ другой, еще болѣе геніальный защитникъ реализма въ наукѣ и въ воспитаніи — Franciscus Baso Verulamius. Онъ родился въ Лондонѣ въ 1561 году, въ блестящее царствованіе королевы Елизаветы, при которой отецъ его состоялъ «хранителемъ большой печати». Его мать, изъ фамиліи Кюза, была женщиною образованная, знавшая по-гречески и по-латыни. Мальчикомъ Францискъ отличался необыкновенною мѣткостью сужденія, такъ что королева любила толковать съ нимъ и называла его маленькимъ канцлеромъ. Еще не имѣя полныхъ 16 лѣтъ, Францискъ Бэконъ поступилъ въ одну коллегію Кембриджскаго университета, гдѣ ближайшимъ

руководителемъ имѣлъ знаменитаго доктора теологіи Уайтгиста, впослѣдствіи епископа Кентерборійскаго. Въ Кембриджѣ онъ прилежно изучалъ Аристотеля, но, при всемъ уваженіи къ нему, не успѣлъ полюбить его, такъ что еще отсюда ведетъ свое начало полемика Бэкона противъ схоластики. По выходѣ его изъ университета, сообщившаго ему общенаучное образованіе, отецъ желалъ ближе познакомить его съ политикой, и съ этою цѣлью отправилъ его вмѣстѣ съ однимъ англійскимъ посланникомъ въ Парижъ. По возвращеніи въ отечество Бэконъ уже не засталъ въ живыхъ отца, и, получивъ небольшое наследство, съ большою охотою принялся за юриспруденцію. Королева дала ему мѣсто совѣтника при ней, а Іаковъ I сдѣлалъ его государственнымъ канцлеромъ и возвелъ въ графское достоинство. Жена принесла ему богатое приданое; но дѣтей отъ нея Бэконъ не имѣлъ. За шесть лѣтъ до смерти онъ лишился всѣхъ своихъ должностей, чему причиной былъ онъ самъ, не отличаясь чѣстностью въ судебныхъ дѣлахъ. Король, убѣжденный въ его виновности, могъ лишь смягчить законный приговоръ надъ нимъ, послѣ чего Бэконъ уже тщетно старался вновь снискать лъстивыми письмами его расположеніе и приобрести прежнее вліяніе на государственный дѣла. «Можно подумать — замѣчаетъ Раумеръ, — какъ будто отъ чрезмернаго напряженія интеллектуальныхъ силъ иногда страдаютъ силы нравственныя; какъ будто исключительная умственная работа, такъ сказать, не оставляетъ ни времени, ни умѣнья отдаться нравственному размышленію и поглащаетъ всего остальнаго человѣка». Дѣйствительно, не доказываютъ ли подобные грустные примѣры, что дѣятельность мышленія и воли суть два отдѣльные, хотя и тѣсно связанные акта нашего духа, изъ которыхъ развитіе перваго еще не предполагаетъ, какъ неперемѣнное послѣдствіе, развитіе и послѣдняго; что обработка умственной и нравственной сторонъ человѣческаго духа должна составлять двѣ одновременныя, но отдѣльныя задачи воспитанія... Послѣдніе годы жизни Бэконъ посвятилъ преимущественно наукѣ, служившей для него един-

ственнымъ утѣшеніемъ, — и умеръ въ 1626 году, слѣдовательно 65 лѣтъ отъ роду, переживъ 10-ю годами современника своего — Шекспира.

Главною задачею жизни Бэкона, разрѣшенію которой онъ посвятилъ всю силу своего гениальнаго духа, было — противоdѣйствовать тогдашней учености, столь же узкой, какъ стѣны замыкавшихъ ея монастырскихъ келій. Его наука хотѣла жить и дышать широкой, міровой жизнью, и съ помощью такой живой науки Бэконъ стремился поднять и возвысить подавленное клерикальной схоластикой могущество человѣка и всего человѣчества. Въ этомъ стремленіи Бэконъ считалъ всѣ средства позволительными, а потому самъ не остался свободенъ отъ роковыхъ ошибокъ. Онъ не отличался глубиною и благородствомъ чувства; его любовь и его ненависть были слѣдствіемъ холоднаго расчета — не болѣе. Обладая живымъ темпераментомъ и желѣзною энергіей, онъ въ тоже время былъ постоянно далекъ отъ страстнаго раздраженія, и потому сфера отвлеченной мысли была какъ бы его природной сферой; въ наукѣ онъ нашелъ свою вторую родину, и, благодаря своей наблюдательности и логикѣ, открылъ для нея новый, болѣе правильный, индуктивный путь, ведущій отъ опыта къ точному знанію. На мѣсто прежняго идеализма въ наукѣ онъ поставилъ реализмъ, на мѣсто догматизма — критицизмъ, и показалъ превосходство эмпирической методы надъ апріористической или умозрительной. На этихъ, въ сущности старыхъ, но теперь какъ бы вновь открытыхъ началахъ Бэконъ старается перестроить все зданіе науки; поэтому первую часть своего капитальнаго труда онъ назвалъ «*Instauratio magna*», дѣлая въ ней обзоръ всѣхъ наукъ, а вторую — «*Novum organon*», гдѣ излагаетъ методику новой, имъ основанной науки.

«Науки — говоритъ онъ — находились до сихъ поръ въ очень жалкомъ положеніи. Потерявшись къ пустыхъ и бесплодныхъ словопреніяхъ, философія въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій не произвела ни одного творенія, которое дѣйствительно принесло бы пользу человѣческой

жизни. Прежняя логика скорѣе служила къ закрѣпленію ошибокъ, чѣмъ къ изслѣдованію истины. Отчего же это? Гдѣ же причина этого жалкаго положенія наукъ? Причина въ томъ, что онѣ оторвались отъ своего корня, т. е. отъ природы и отъ опыта, а виною этого были въ свою очередь многія обстоятельства: во 1-хъ старый, глубоко укоренившійся предразсудокъ, будто бы человѣческій разумъ унижаетъ свое достоинство, если онъ много и постоянно занимается опытами и матеріальными предметами; во 2-хъ суевѣрія и слѣпой религіозный фанатизмъ, искони бывшій самымъ непримиримымъ противникомъ натуральной философіи; въ 3-хъ исключительное занятіе этикой, политикой и теологіей; въ 4-хъ огромный авторитетъ, который приобрѣли только извѣстные философы, и излишнее наклоненіе древности; въ 5-хъ какая то нерѣшительность и отчаяніе въ возможности преодолѣть многія важныя затрудненія, представляющіяся при изслѣдованіи природы. Всѣ эти причины повели за собой упадокъ наукъ. Ихъ реформа зависитъ отъ двухъ условій: объективное условіе заключается въ возвращеніи науки къ опыту и къ философіи природы, субъективное — въ очищеніи чувствъ и разума отъ всякихъ отвлеченныхъ теорій и перешедшихъ по преданію предразсудковъ. Оба эти условія вмѣстѣ дадутъ правильную методу естествознанія, которая есть не иная, какъ индукція (наведеніе); отъ правильного наведенія зависятъ всѣ успѣхи, все процвѣтаніе наукъ».

По ученію Бэкона, всѣ понятія, почерпаемыя не изъ самой природы вещей, суть идолы, которые затѣмняютъ умъ человѣка и закрываютъ отъ него природу. Чтобы открыть истину, надо прежде всего остерегаться, чтобы имена и названія предметовъ не принять за самые предметы. Привыкнувши съ дѣтства замѣнять предметы словами и съ помощію ихъ понимать другъ друга, мы невольно смѣшиваемъ слова, т. е. названіе вещей съ вещами или съ ихъ реальной сущностью, тогда какъ слово вовсе не показываетъ сущности вещи, а только—наше отношеніе къ ней, или то значеніе, которое она имѣетъ въ нашихъ

глазахъ. Объективная истина познается только при правильномъ и внимательномъ изслѣдованіи каждаго предмета, такъ что существенное воспріятіе знакомить насъ только съ опытомъ, а опытъ даетъ понятіе уже о самомъ предметѣ, образуетъ правильное о немъ сужденіе. Первая задача опытной-методы состоитъ въ томъ, чтобы твердо и точно установить отдѣльные факты, и такимъ способомъ собрать матеріалъ, образующій элементарный составъ науки. Затѣмъ правильная индукція съ необходимостью, постепенно, безъ скачковъ и пробѣловъ ведетъ отъ одного пункта къ другому; одинаковые факты, встречающіеся при этомъ во множествѣ, сравниваются; при видимомъ сходствѣ явленія иногда различаются сопровождающія его условія; иногда при сходствѣ условій замѣчается различіе явленія (*positivae* и *negativae instantiae*). Изъ вѣрнаго сравненія фактовъ выводится общій вѣрный законъ, принципъ или аксіома, по которымъ дѣйствуетъ природа (какъ вещественная, такъ и духовная въ человѣкѣ). Вотъ единственный ключъ къ знанію природы! Опытное изслѣдованіе фактовъ ведетъ къ открытію причинъ, а въ познаніи причинъ или основаній именно и заключается всякое истинное знаніе.

Бэконъ былъ убѣжденъ, что онъ, вооруженный своею методою, можетъ вполне побѣдить природу; но онъ не забылъ также о трудностяхъ и недостаткахъ этой методы. Онъ ясно видѣлъ, что съ нею еще не придешь къ конечному единству всего сущаго, а потому онъ принимаетъ, хотя съ большою осторожностью, помощь очевидной аналогіи, которая указываетъ на связь или родство вещей и отчасти приводитъ къ единству цѣлаго. Только при ея помощи удастся объединить природу въ ея отдѣльныхъ, элементарныхъ фактахъ, и, идя съ нею шагъ за шагомъ, положить первое начало строгой, точной наукѣ. Высшая цѣль науки—познать конечное единство, общую причину всѣхъ причинъ. Такъ напр. «мало одного того, чтобы имѣть въ памяти и знать всѣ тѣ различные признаки цвѣтовъ, по которымъ они относятся къ породѣ ириса или тюльпана; или—всѣ признаки и виды раковинъ, со-